

*Встревожен мертвых сон, – могу ли спать?
Тираны дают мир, – я ль уступлю?
Созрела жатва, – мне ли медлить жать?
На ложе – колкий терн; я не дремлю;
В моих ушах, что день, поет труба,
Ей вторит сердце...*

Байрон, 1823 год

То ли, как снажут нам историки, причиной тому Наполеоновские войны вкуче с развитием капитализма и стремлением к расширению экономических и личных свобод, то ли прав был Лев Николаевич Гумилев и что-то такое случилось с солнечной активностью, но факт остается фактом — в двадцатые годы в Европе появилось большое количество тринстеров-пассионариев. Поскольку война закончилась, а в большинстве европейских стран победила некоторая реакция, область, где они могли бы применить свою неумную энергию, осталась одна — борющаяся за собственную независимость Греция.

Так появились филэллины. И именно об их феномене, и разрушающем, и созидающем — но неизменно трагичном, — и повествует Леонид Юзефович в своем новом романе.

Нто и что есть в «Филэллине»?

Есть в нем Григорий Максимович Мосцепанов, отставной капитан, участник войны, потерявший на ней пальцы на ноге. Без большого, важного дела, которое было бы больше его самого, он мается — пробует различные проженты на Урале, пытается воевать с бюрократами и казнокрадами, нарываясь на арест, пишет фантастические письма самому Аранчеву.

Есть грек Нонстантин Ностандис, лекарь, утративший родину и вынужденный постоянно скрывать свои истинные мысли и устремления: «Переводчик с мира теней — вот моя вторая профессия».

А вот еще один филэллин, французский полковник Шарль-Антуан Фабье. Нак и Мосцепанову, ему на войне изувечило ногу. Увечье как активация ахиллесовой пяты. Ахиллесовой пяты неприкаянности. Его мысли, кстати, напоминают мысли Байрона у Моруа — он невысокого мнения о греках и Греции, но что-то его туда неудержимо тянет. А вот как говорит Фабье:

«Греки – те еще мошенники, не обольщайся на их счет, – умерил я ее восторги.

Она взглянула на меня так, словно услышала непристойность.

«Их испортило многовековое рабство, – добавил я. – Они жестокосерды, коварны, склонны к воровству и обману».

«Тогда почему ты с ними?» – последовал вопрос.

«Потому что, – ответил я, – они великодушны, честны, отважны, готовы к самопожертвованию».

Думается, еще бы некоторое количество филэллинов — и перевернулось бы все не только в Греции, но и в мире. Хорошо ли это? Не уверен.

А еще в «Филэллине» есть два героя, наличие которых оставляет нам, нефилэллинам, некоторую надежду. Агенты нормы в безумном мире. Надежный Мансим Мансимыч и преданная Вера при непредсказуемом и опасном Печорине. Это майор Чихачев и возлюбленная Мосцепанова Наталья Бажина.

Есть Греция как недосыгаемая, величественная мечта — и реальная Греция девятнадцатого века: «Нругом грязь, помощи, воняет отхожим местом», — по словам одного из героев. У того же Моруа об этом написано так:

«Наконец после долгой поездки верхом между сосен и оливковых деревьев один из проводников вскричал:

– Господин, господин, деревня!

Это были Афины».

Именно книга Моруа «Дон Жуан, или Жизнь Байрона» отчасти близка «Филэллину». Ее герой, романый Байрон, — такой же классический филэллин. Кроме того, книга Моруа тоже основана на фактическом материале, но при этом является все-таки художественной.

Книга Леонида Юзефовича, впрочем, вполне самодостаточна. Есть в ней, например, редкая сейчас в нашей литературе пестрая полифония разноречья: писем, дневников, донесений, — сливающаяся в конце в строгий, точный язык эпоса — как раз таки в греческих традициях.

Наконец, есть в книге и власть: вельможи, а также еще один главный герой книги — император Александр Первый. Власть архетипична — ей нужно взвешивать возможности и просчитывать последствия, но трагизм в том, что все взвесить и рассчитать не получится никогда, и оттого единственно верного разрешения того или иного противоречия найти нельзя. И император неправ именно в своей правоте. Рационализм власти в этом смысле менее эффективен, нежели, например, экзальтация баронессы Фридер, надоедающей императору прозрениями и пророчествами, как у Толстого Наренину надоедала графиня Лидия Ивановна. А отсюда один шаг до вот какой мысли: природа власти неизбежно мистична. Никакие выкладки, расчеты и экономико-политические штудии не могут спрогнозировать того, что где-то на Урале есть Мосцепанов, у которого имеется некая Тайна. И этот несколько номичный поначалу Мосцепанов послужит спусковым крючком для изменения Истории.

А власть, кажется, и поныне не может правильно оценивать природу свою, пытается лавировать между обоюдоневерными решениями. И оттого всякая власть в итоге сталкивается с осознанием краха собственных начинаний:

«Он всегда готов встать за добро против зла, но лишь при условии, что не надо высчитывать, на чьей стороне его больше. А если потребуется сначала отделить одно от другого, потом разложить то и другое на разные чаши весов и смотреть, какая перетянет, ошибиться можно и при сортировке, и при взвешивании».

Интерпретаций важного, глубокого романа Леонида Юзефовича может быть множество. Осмелюсь предложить две. Первая: нет никакого времени. Ситуации и события повторяются, и от всех нас останутся записи и дневники — и эпос той или иной степени героичности. И вторая: даже эта повторяемость предельно хрупка, и один шаг, одна Тайна отделяет ее от иной, героической, но более кровавой повторяемости.

И, как говорил классик, «несчастлива та страна, которая нуждается в героях». А если вдруг не нуждается, несчастными становятся сами герои.

